

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Вадим КРАБОВ

РУС.
ТОЧКА ОТСЧЕТА

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К78

Серия основана в 2004 году
Выпуск 462

Художник
С. Дудин

Крабов В.
К78 Рус. Точка отсчета: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 375 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1424-6

Никогда не садись за руль с похмелья, особенно ночью. Скользкая дорога обязательно подведет, не успеешь затормозить, и тогда... Можно сбить девушку и загромоздить в... магический мир. Ну и что, что ты прошел Афганистан, ну и пусть от одной твоей улыбки враги цепенеют, и не важно, что ты мастер боевых искусств, — это все осталось на Земле, а в мире, где правят жрецы и маги, ты никто. Даже больше чем никто — ты становишься рабом той самой неудачно сбитой девушки-красавицы, которая оказывается верховной жрицей могущественной богини. Попробуй освободись! Как думаешь, получится? А если выйдет, сможешь отомстить? Герой вот пытается...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1424-6

© Вадим Крабов, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Я мстю, и мстя моя страшна...
Не важен результат,
Мне принцип интересней.
Я мстю, и мстя моя страшна...

ГЛАВА 1

Денек выдался еще тот.

Вовчик с утра выехал встречать фуры с товаром — не появились. Прождали с напарником до полудня, всласть поматерились — машины не подошли. Заехали в новую придорожку к Мамеду, позвонили — Игнатий обозвал козлами. Не их с Робом, а водителей фур, но таким тоном, что и Вовчика с Робертом зацепило. Велел ждать в кафешке. На шефа обижаться грех, он деньги вложил, но, как говорят в анекдоте, «осадок остался».

Роб уминал за обе щеки, а Вовчик смотрел на еду с плохо скрываемым отвращением — в него лезла исключительно минералка. Хорошо бы пива или на худой конец популярный в последнее время коктейль «Алко» с разным химическим вкусом, но напарник за руль не сядет — Роб не желал водить. «Каждый должен заниматься своим делом!» — во как.

Знал же, что с утра за баранку, но Лидка, очередная пассия, уговорила. Красивую жизнь ей подавай! Пошли да пошли в «Парус» — модный среди «новых русских» ресторан. Туда, мол, «Сталкер» пригласили на торжество какого-то нувориша, а закрыть заведение то ли денег не хватило, то ли желания. Как Лидка об этом прознала? Удивительно, рекламы не было. Лично Вовчику на эту «не плачь, Алиса» плевать с колокольни, но с любовницей пора завязывать, поэтому пришлось соглашаться. Не любил расставаться со скандалом.

В кабаке уговорила, лиса. Одна стопочка, за ней вторая, и понеслось. Очнулся дома. В голове огромные камни, во рту вонючая пустыня. При малейшем движении камни злорадно перекатывались, а жаркий песок требовал тонны во-

ды, всасывал всю без остатка. Еще и, мягко говоря, недвольная Лидка добавила головной боли, оправдала свое звание «стервы». Рассказала, что он чуть не подрался с быками того крутого и что исключительно благодаря ее недюжинному обаянию скандал удалось замять. Если это правда, то разборки в скором времени обеспечены. А могла и наврать от своей подлой природы. Знает, что в пьяном виде Вовчик ни черта не помнит и характер имеет вспыльчивый, так что выдумать — вполне в ее репертуаре. Давно он в кабаках не дрался, даже в сильном подпитии. Актриса, чтоб ее.

Шеф подъехал через час. За это время Роб достал своими подколками про отсутствие аппетита. Впрочем, Вовчик не очень-то обращал на него внимание, у него в голове как заведенный крутился голос Державина: «Чужая свадьба, чужая свадьба...» — тот «лесной король» дочь замуж выдавал. Вроде бы.

— Вовчик, дай ключи от тачки, — приказал Игнатий, протягивая руку.

— Зачем? — удивился Вовчик, подавая ключи от любимой «бэхи».

— Связист тебе рацию поставит. Радиотелефон, слышал? — Шеф был, как всегда, внешне спокоен, только искры в голубых глазах выдавали крайнее раздражение.

— Зачем? — переспросил Роб.

— Пойдете по трассе навстречу фурам, и чтоб через каждые пять минут выходили на связь. Приказ ясен? — Игнатий передал ключи Связисту и уселся напротив Вовчика.

— Так точно, — по привычке, но со вздохом ответил Роб.

— Угу, — гукнул Вовчик.

У него, прошедшего только срочную службу, давно выветрилась всякая уставщина, зато в Роба, отставного офицера ВДВ, устав въелся глубже некуда, под наркозом не вырвешь.

— Ты чего, с похмелья, что ли? — строго спросил Игнатий, присмотревшись к Вовчику.

— Есть такое дело, Игнатий, но я нормальный, запаха нет. Две таблетки аспирина с утра заглотил — и как огурец, всегда готов! — Вовчик не стал отнекиваться. Не в его характере врать по мелочам. За то и ценили. Не только за то, но и за это тоже. А Игнатия Федоровича Хошенко называли

только Игнатием, что в глаза, что между собой. Не Игнатом, не Федорычем, не по имени-отчеству. Приклеилось.

— Смотри, пионер, спрошу, если что, — вроде как шутиливо пригрозил Игнатий, но все знали — спросить может, и у своих в первую очередь.

Он разительно отличался от собственных подчиненных, одетых, как типичные «братки»: черные кожаные куртки турецкого производства, свитера и джинсы. Строгий серый костюм при аккуратно завязанном галстуке сидел как влитой, подчеркивая широкие плечи, отсутствие лишнего жира и вообще молодя. Ни за что не дашь полтинник. Модный малиновый пиджак, цепи, болты и другие непременные атрибуты «нового русского» Игнатий, подполковник ВДВ в отставке, презирал, хотя сам являлся типичнейшим представителем этого класса человечества. В смысле при взгляде со стороны. А если посмотреть из глубины общественной организации ветеранов-«афганцев», председателем которой он являлся, то... тоже «новым русским», куда деваться. Гендиректор ООО «Варяг» с классическими экспортно-импортными операциями — это кто, по-вашему? Плюс крышевание, растаможка и все такое. В данный момент он занимался фурами со спиртом «Роял», которые выехали из суверенного Вильнюса и давно должны были быть сопровождены его архаровцами Вовчиком и Робом в славный город Псков.

— Игнатий, — подходя к выходу, «архаровцы» услышали подобострастное обращение хозяина заведения Мамеда, — давно хотел встретиться, поговорить, и такая удача! Не в обиду, Игнатий.

— Ну... — сквозь зубы процедил шеф.

— Брат недавно звонил, дома беспокойно. — Мамед — дагестанец. В смысле из Дагестана, а какой нации — черт ногу сломит, их там куча. — Семью защитить, жену, детей, маму с папой, дай Аллах им здоровья, трудно.

— Я при чем! — почти выплюнул Игнатий.

— Ты — большой человек, стволы нужны. — Голос скатился к шепоту, да и напарники к этому времени покинули столь гостеприимное заведение.

Нет, серьезно. Ну и что, что пару раз здесь постреляли каких-то «братков»? На репутации это не сказалось. Уютно

в нем, и кормили вкусно по приемлемым ценам. Для даль-
нобойщиков в самый раз.

— Как думаешь, Игнатий оружием занимается? — спросил Вовчик Роба, открывая машину и одновременно любуясь на длинную антенну на крыше своего авто.

— А хрен его знает! — ответил тот. — Не знаю и тебе не советую. Но конкретно про Кавказ сказать могу — туда не продаст, даже если занимается. Заварушка там намечается знатная, а своих под пули батя никогда не подставлял. Ух ты! — без перехода воскликнул Роб, увидев между передними сиденьями большую пластиковую коробку с телефонной трубкой на крышке. — Я такую у чекистов видел. Нет, — продолжил, сняв трубу, — у них диск был, а у нас кнопочный набор. Класс!

— Ага, здорово, — согласился Вовчик. — А с чего ты взял, что заварушка на Кавказе будет? — спросил, заводя машину.

— Ты что, совсем за новостями не следишь? Ну ты даешь! Как только наши туда пойдут, я завербуюсь. Надоело барыг крышевать. Там настоящее дело. — Роб плотно улыбнулся.

— Ого, Роб, — удивился Вовчик, вырывая на трассу, — два года тебя знаю, но не ожидал, что ты такой кровожадный. Мне Афгана хватило.

— Что ты понимаешь, пацан! — неожиданно зло произнес приятель. — Думаешь, баранку в Баграме покрутил и все о войне знаешь?

Вовчик вдруг резко остановил машину. Роб едва не влетел лбом в стекло.

— Что ты сказал, повтори? Я — пацан? Думаешь, духов больше моего завалил — и герой? — медленно проговорил водитель. Такой Вовчик был грозен.

«Холодный псих, — называл его Игнатий, — ты как медведь, от которого не знаешь, что ожидать». Зато внешне — прямая противоположность непредсказуемого лесного хищника. Невысокий, жилистый, от природы смуглый — чисто душман с европейским лицом. Сероглазый, тонкогубый, узколицый, тонкий нос с небольшой горбинкой — по словесному портрету кавказец, но нет, не спутаешь. Магьярские

корни виноваты. Владимир Дьердьевич Нодаш, детдомовец. Социальный сирота, отобранный у пьющих родителей.

— Тихо, тихо, Вовчик, успокойся. — Роб пошел на пятную.

Он впервые видел товарища в таком состоянии. Рассказывали — не верил. Слишком безобидно он всегда выглядел, имя уменьшительное присохло — Вовчик, тот не возражал. Не бывал с ним на разборках, не стыковались они там. Знал от ребят и самого Игнатия, своего бывшего комбата, но не верилось. А ведь во всем уступает: в физической силе, в умениях рукопашки, стреляет хуже, а связываться неохота. Точно хищник. Роб попытался стряхнуть неприятное чувство собственной уязвимости.

— Я не то имел в виду! Какой пацан? Мы же ровесники! — Отставному капитану Хасанову недавно стукнул тридцатник, а Вовчику скоро исполнится двадцать девять. — Я с Игнатием на эту тему разговаривал, он утверждает — там будет мясорубка. Хочу нашим помочь, он отпустит.

Вовчик тронул машину. Напарник еле сдержал готовый вырваться облегченный выдох: «Да чтобы я еще раз с ним! Ни за что!»

— Да я не против, Роб, езжай, постреляй. За «пацана» обидно стало, а так я тоже черных не люблю. По одному они ничего, — продолжил после короткой задумчивости, — но как соберутся вместе — ужас. Я помню, с Асланом, чеченцем, как-то водку пили — нормальный мужик. За жизнь потолковали, за баб. А через день Игнатий стрелку с ними забил, чего-то они ему перешли. Водку лишнюю подвезли, что ли? Пришлось пострелять. Больше с ним не встречался. Заваляли его там. Возможно, моя пуля...

Спустя минуту добавил:

— После этого новостей не смотрю.

И что у него на уме? Кто его знает. Рядом с Робом оказался совсем другой человек. Не легкомысленный мальчишка, шутник и бабник, а мужик с совершенно непонятными Робу «пунктиками». Сам он новости смотрел всегда, невзирая, пил накануне с покойником или нет.

После третьего сеанса связи, само собой, не через каждые пять минут, а через полчаса, остановились сходить в кусты. Фур на почти сотне километров не встретили, и, как

назло, ни одного гаишника, а то бы поспрашивали. Закон подлости! Это когда не надо, они на каждом углу.

Зарядил тоскливый сентябрьский дождь. Помокли, стоя за неотложным делом, обматерили Игнатия, но приказ «Хоть в Вильнюс смотайтесь, но найдите!» никто не отменял. Настроение снизилось под стать дождю. Поехали не торопясь, задавая логичным вопросом: «Где ночевать?» Скорей всего, придется в машине, колонна как в воду канула. Игнатий, блин, конспиратор: «Без конвоя надежней дойдут, я не Рокфеллер чужую охрану кормить», а свою на чужую «землю» не пустят. Да и надежность той охраны оставляет желать лучшего, могут и сами груз под шумок умыкнуть. Лучшая защита — непредсказуемость. Что удивительно — фуры всегда доходили! Нынешний сбой первый. Игнатий наверняка уже ищет крысу в своем окружении.

«Первичный передел собственности!» — орал умники с телеэкранов, мол, дальше все нормализуется. Хотелось бы верить.

— Такую страну просрали! — Мрачное настроение все-таки выплеснулось из Роба. Вовчик согласно нахмурился. — Я бы из армии ни за что не ушел, но смотреть, как ее рушат, выше моих сил. Да и семью кормить надо. Жене совсем платить перестали, родителям пенсию задерживают. А цены? Что ни день, то новые! Я б этих правителей из пулемета!

— Чего переживаешь, ты зеленью получаешь, — усмехнулся Вовчик. Просто так сказал, для спора. Скучно. А так был полностью согласен с напарником — беспредел.

— Зелень, — скривился Роб, — вот именно. А где рубли? Деревянные, твою мать. Потому и хочу на Кавказ: за державу обидно. Я не маньяк, мне смертей и в Афгане хватило, но так хочется злость сорвать...

— Значит, маньяк, — закончил за него Вовчик с улыбкой.

— Да пошел ты! — серьезно обиделся Роб. — Сам маньяк каких свет не видел, хуже чикатилы! Вот чего ты не женишься? Хата есть, бабло имеется, бабы к тебе липнут — че тянешь? Тридцатник на носу, когда детей растить думаешь?

— Сам пошел, — буркнул Вовчик и замолчал. Неприятная для него тема, скользкая.

Не мог он с женщиной надолго ужиться. Месяц-два максимум, и как отрезает. Все начинается в ней раздражать. Вроде

умница-красавица, а бесит. Кажется, стерва из стерв. Собственно, большинство такими и являлись. Знакомился в кабаках да расплодившихся в последнее время «клубах». Он не задумывался о причинах, винил во всем неудачные знакомства. А на самом деле до сих пор помнил вкус перьев во рту. Старый, почти десятилетней давности вкус от разорванной ночью армейской подушки. Помнил, как после письма Джульетты хотелось выть и застрелиться. Помнил, но глубоко прятал эти воспоминания, стараясь забыть насовсем. Не получалось. Те давние переживания сконцентрировались почему-то именно на вкусе подушки, и больше всего на свете он боялся снова ощутить перья во рту. Неосознанно, не подозревая об этом.

Тогда его спас злополучный конвой на следующее утро. Единственное нападение на колонну, которую пережил за все время службы в Афгане. Дальние обстрелы не считались.

Колонна шла проверенным маршрутом. КамАЗ Вовчика в центре — самом безопасном месте при нападении. Груз не шуточный — снаряды.

— Ты че такой смурной, Вовчик? Давай попи...м, — балаболил сопровождающий груз обкуренный прапор Петрович.

Его то «тянуло на базар», то замолкал надолго. Вставило конкретно, страх ушел. Разве что во время движения на «хаха» не пробивало. Хорошая трава — афганка.

Деда отбивали у молодых водил привычку обкуриваться перед выездом. «Вредно для здоровья», — объясняли они очень доходчиво, и это была правда. Банальная авария — самая маленькая беда. Много обкуренного молодняка постреляли из-за заторможенности рефлексов. На учении с закрытыми глазами: автомат — прыжок-перекат — к бою, а когда тебя прет не по-детски — извини. Правда, когда сами становились дедами, некоторые начинали себе позволять, но не Вовчик.

— Молчишь, молчишь, а мне потрепать охота. Товарищ рядовой, я приказываю вам поговорить со старшим по званию! Ну как хочешь, — сказал и заткнулся, погрузившись в очередное глубокомыслие.

Тянулся привычный летний пейзаж. Близкие, но пока еще далекие горы нависали над горизонтом. Жаркий ветер сдувал колесную пыль грунтовки, стрекотали вертушки сопровождения. Ни облачка, солнце в зените. Жара. Не спасали открытые настежь окна. Горячий сквозняк колыхал броники на дверках, и только. Прапор не жалеючи поливал голову из фляжки, иначе сдохнуть можно — организм требовал. Хозяйственный Петрович воды взял с запасом, аж целую канистру. А вот смуглый жилистый Вовчик жару переносил легко, как натуральный афганец. В смысле житель Афганистана, душман.

«У меня за спиной шесть тонн снарядов, — мрачно думал он во время монолога прапора, — хорошо потрянуть — детонируют. Джуля, как ты могла! — Душа болела. Именно так можно назвать колющую пустоту в груди вместе с невыносимой мукой, которая с тоской имеет лишь самое отдаленное сходство. — Только в смерти избавление, только в смерти... Там нет ничего, а значит, нет боли. Или есть? Проверю. Нет, не сам — это сильно легко, да и Петрович не виноват. Хоть бы духи напали!» Боль не желала отпускать.

Он впервые попал в ситуацию, когда проблему нельзя решить ни силой, ни хитростью, и это не просто проблема — это предательство любимой. Как она клялась в верности! Дольше всех бежала за поездом и упала в рыданиях. Он смотрел на нее, чуть не вывалившись в приспущенное окно. Тогда душа сжималась в тоске от банальной разлуки с изрядной примесью гордости: у него есть девушка, она любит и она дождетя! Ждала, заваливая горячими письмами, поток которых... медленно ослабевал, за полтора года постепенно сойдя на нет. Вчера получил последнее, спустя два месяца молчания... Лучше бы его не было.

На серпантине колонна сбросила скорость. Впереди опасное ущелье, очень удобное для засады. Оно, как, впрочем, и вся трасса, проверено на сто рядов авиацией и разведкой всех родов войск, на всех господствующих высотах — батареи прикрытия. Неприятностей ждать просто неоткуда, но уж очень удобное место, опять же — проверенное. Накаркал Вовчик.

Головной бэтэр подскочил на пыльной вспышке, и спустя доли секунды до Вовчика донесся оглушительный грохот

усиленного эхом взрыва. Вслед за ним с обоих хребтов ущелья устремились ввысь «стингеры», шесть штук зараз. Оба вертолета рухнули, красиво оставляя за собой черный след. С окрестных гор, чуть ли не с вырубленной зеленки, на колонну обрушился шквал огня. Бэтээры сопровождения огрызнулись в ответ, но ненадолго: лишенные маневра, они стали легкой мишенью для гранатометов, но задачу выполнили — личный состав успел рассредоточиться в складках местности и открыть огонь.

Вовчик действовал тупо, как на учениях. Тормоз в пол — машина встала, дернулась, заглохла. Автомат в руку, одновременно распахивая дверку, прыжок-перекат под днище.

— За мной, боец, над нами шесть тонн взрывчатки! — услышал крик лежащего рядом опытного Петровича.

Не думая, в каком-то отупении перекатился за ним и, пригибаясь, в два прыжка скрылся вслед за прапорщиком в широкой расщелине между большими скальными обломками, неведь откуда взявшимися на обочине. Определил удобное место, пристроил автомат, передернул затвор и доложил:

— Рядовой Нодаш к бою готов!

— Придурок!!! — заорал Петрович, сдергивая его от углубления в камне. Тут же просвистели две пули, выбив из камня каменную крошку.

Вовчик не заметил этого, он находился в тупом ватном тумане. В голове вяло крутилась сладко-страшная мысль: «Скоро...» Сердце, как и все тело, сковало расслабленное нетерпение. Душевная боль ждала развязки.

— Здесь, воин гребаный, не учения!!! Пригнись и не рыпайся! — продолжал разоряться прапор. Смысл слов сквозь вату безразличия Вовчиком больше угадывался, чем слышался.

Обкуренное состояние все-таки сыграло с опытным Петровичем злую шутку (пятилетка в Афгане, пусть и на складе, — это тебе не в каком-нибудь Забайкалье). На секунду забыл о грузе и чуть высунул голову за край камня. На уровне земли, как полагается, но этого хватило. Вжикнувшая граната ударилась в брезент кузова. Раздался хлопок, перешедший в короткий треск рвущихся снарядов. Землю потряхнуло, камни подпрыгнули, по ним застучали и завизжа-

ли осколки, спланировали детали машины — от КамАЗа остался только объятый пламенем покоренный остов. Но не это запомнилось Вовчику на всю оставшуюся жизнь. С хрустом лопнувшего арбуза голова прапорщика Нефедова раскололась, срезанная крупным осколком двадцатимиллиметрового снаряда их «родной» машины. Тело прапора бросило на Вовчика, развернув вскрытым черепом прямо в лицо. Теплая алая кровь фонтаном ударила в рот, открытый при взрывах согласно вбитым на учениях рефлексам, заодно и густо залив остальные части лица.

«В натуре, у Петровича вместо головы — дыня». Звук расколотого черепа поразил Вовчика сильнее самого факта смерти сослуживца. Как услышал тот звук сквозь грохот взрыва — уму непостижимо! Больше не думал ни о чем. Туман из сознания ушел вместе с рвотой ржавой соленой кровью. Душевная боль сменилась расчетливым холодом и горячим желанием выжить.

Никогда раньше он не стрелял так метко. Цели высвечивались сами по себе, как в приборе ночного видения, предугадывались все выстрелы, направленные в его сторону. Чувствовал опасность, как зверь на охоте. Он стал зверем.

Духи не успели спуститься к разбитой колонне, а может, и не планировали. Заговорили наконец батареи прикрытия, перепахивая оба склона ущелья. Подлетели штурмовики и добавили жару. Афганцы ушли. Скольких убил лично Вовчик и убил ли хоть одного — неизвестно. Он не обращал внимания на поведение целей после выстрела: опасность пропала, ну и славно. Получил заслуженную медаль «За отвагу» и вскоре демобилизовался.

Джувлетту, так называли дочь родители, словно вырезали из сердца. Как ни странно, вместе со спасшим жизнь прапорщиком Нефедовым. Вовчик не горевал на его поминках. Выпил спирта, сколько налили, сказал положенное, и все. Хорошим тот был человеком или не очень, никто из срочников не имел четкого представления. По слухам, занимался контрабандой наркоты в Союз и, опять же по слухам, оружие духам не продавал. По характеру был компанейским, не злобным и в меру жадным, как все классические прапорщички.

Джулю забыл, но рваная подушка продолжала маячить где-то в подсознании.

— То ли дело Европа, там на каждой версте отель, — ворчал Роб, зевая.

Темень из-за дождя опустилась быстро. Теперь не до поиска пропавших фур, переночевать бы в безопасности, а значит — не на трассе.

— Я знаю место, скоро свернем, — ответил Вовчик, — дорога — асфальт, и лесочек от трассы закрывает.

— Да сворачивай в любой свороток, спать охота! Кругом лесополосы.

— Завязнем, — пояснил водитель, — мой «бумерок» — это тебе не джип.

На самом деле не завязли бы, просто Вовчику неохота марать машину, любил он ее.

— А че не взял?

— Не знаю, — пожал плечами Вовчик, — как этого мустанга увидел, ни на что больше смотреть не мог, а была мечта о «Чероки».

— Вот его бы лучше и взял. Кстати, «Мустанг» — «форд», тоже мне водила!

— Да? — делано удивился Вовчик. — Ты мне прямо глаза открыл!

— Да пошел ты! Как хочешь, а я спать. — С этими словами Роб откинул спинку и скрючился на правом боку, нагло закинув ноги в кроссовках на сиденье. Руки сложил под голову.

— Завтра сам будешь сиденье мыть, — проворчал Вовчик.

Роб не ответил.

«Где этот долбаный поворот!»

Поиски вымотали их с Робом до предела. Встреченные гаишники разводили руками, Игнатий брызгал слюной прямо через трубку, приказывал продолжить искать. Занчевать, как стемнеет, а завтра на полном серьезе двигать в Вильнюс. Такая вот перспектива.

«Наконец-то!» — облегченно подумал Вовчик, высветив табличку с цифрой «двести двадцать восьмой километр». Тело расслабилось в предвкушении отдыха, веки потяжелели. Не сдержался, зевнул, не открывая рта, и тут же потряс головой: не пропустить дорогу!

Ее заасфальтировали к приезду самого Горбачева. Дорога вела к какому-то советскому долгострою. То ли свино-

комплексу, то ли элеватору — теперь не понять, остались никому не нужные бетонные развалины. Металл, кирпич, шифер — все более-менее ценное давно растащили. Пригодился асфальт. Правда, после этого он стал похож на фронттовую дорогу, но после дождика вполне себе ничего: не забывая объезжать выбоины, и все дела.

В жизни Вовчика случились три крутых поворота.

Первый — детдом.

С ним повезло. Нет, сначала в принципе не повезло. Отец пил и периодически сидел, мать пила и меняла места работы чуть ли не ежемесячно, не поднимаясь выше должности уборщицы. Государству пришлось спасать малолетнего гражданина, и шестилетнего мальчика забрали у родителей.

Повезло с самим детдомом, Вовчик верил в это непоколебимо. Так уверен был, что родителей найти никогда не пытался. Дело в том, что Грязинский детский дом имени Крупской был образцово-показательным учреждением и действительно таковым являлся. Директор детдома, Евгений Николаевич Светиков, любил свое дело до фанатизма и сотрудников подбирал исключительно лично, приглашая чуть ли не со всей страны. Воспитывали в Доме будущих строителей коммунизма, без всякой иронии.

Конечно, без «комплекса детдомовца» не обошлось, но беспредела в интернате не творилось. Вовчика с его взрывным характером мягко направили в секцию самбо, где он особых успехов не достиг, но энергию сбрасывал. Привили любовь к чтению, заставили учиться, и в школе его не только боялись, как всех детдомовцев, но и уважали за знания, списывали контрольные. В учебном комбинате (кто учился в советское время, тот помнит) получил права и «на свободе» пошел по проторенной ими дорожке — поступил в автодорожный техникум.

Второй поворот — Джульетта.

С девочкой из хорошей семьи познакомился, как водится, случайно. В переполненном автобусе передал от симпатичной девушки мелочь на билет и поплыл, забыв обо всем на свете. Она не выдержала веселого напора шустрого «до-

рожника» и через неделю знакомства, несмотря на детдомовское прошлое кавалера, вопреки увещаниям родителей «сдалась». Любовь «до гроба». Скорая свадьба, жизнь в шалаше, в смысле общаге — все это случилось бы, если...

Пашка, закадычный детдомовский друг, ввалился в комнату как снег на голову.

— Здравова!

— Здравова!

Сколько лет, сколько зим (семь месяцев, если точно), как ты, а как ты — тараторили, довольные встречей. Пашка пошел в «фазанку» при заводе (которые выпускают слесарей и других рабочих, сейчас их несправедливо обозвали колледжами), но это так, для галочки. Главное, он познакомился с «деловыми людьми» и теперь крутился около них. Держался вальяжно, одет исключительно в «фирму», а это джинсы, дубленка, норковая шапка и тому подобное.

— Приглашаю тебя, братан, в кабак. У меня все схвачено.

— Сдуйся, Пашка, лопнешь! — засмеялся Вовчик.

— Обижаешь! Нет, я серьезно, — сказал, демонстративно вытаскивая пачку «Мальборо», — деньги есть, мэтр знакомый.

— Пошли! — с радостью согласился друг.

Когда еще доведется, на стипендию не погуляешь. И плевать ему, как будет выглядеть! Хотя...

— Я сейчас по комнатам пробегусь, шмотки подберу. — В общаге это легко.

— Давай, давай, — с покровительственной усмешкой прокомментировал Пашка.

У него действительно оказался знакомый метрдотель, который посадил их за отдельный столик, сняв с него табличку «не обслуживается».

— Ты че, Вовчик, совсем умом тронулся? Тебе же только-только восемнадцать исполнилось! Она че, беременная? Нет?! Хотя ты и мой друг, я тебя уважаю, но ты дурак. Я твой шаг не понимаю!

— Эх, Пашка, да как тебе объяснить-то! Люблю я ее, понимаешь? И она меня!

Друзья находились в хорошем подпитии.

— А жить будете в шалаше на ваши стипендии?

— Нет, братан, у меня есть план. Она так и останется в меде, а я курс закончу и брошу. В технаре как раз категорию

«Б» дадут, и я сразу в таксопарк пойду. Конечно, сначала придется послесарить за копейки, зато потом... Знаешь, сколько таксисты имеют?

— Да уж лучше тебя! А жить где?

— Если с общагой обломится, домик в Париже сниму, там за копейки можно.

— В этом бичевнике? А колбаску, фруктов с рынка бабе покушать, не в обиду тебе, братан, а на подруг в фирменных шмотках она как смотреть будет? Тебе это как, братан?

— Давай не будем о грустном! Годик потерпим, мы с ней все это обсуждали, — расстроился Вовчик. Болезненная тема — безденежье.

— А про армию — забыл? Тебя же сразу загребут.

— Откошу, — отмахнулся Вовчик, расстроившись еще сильнее.

— У тебя что, блат в военкомате?

— Прорвусь как-нибудь, не переживай! — больше для себя сказал, для уверенности, а настроение, несмотря на выпитое, опустилось дальше некуда. Практически протрезвел.

— Ладно, Ромео, вижу — у тебя все серьезно, — сказал после участливой паузы Пашка, — отговаривать бесполезно. Но для чего нужны кореша? Правильно, чтобы помогать друг другу! Вспомнил я одно дело, верняк! Для себя берег, но чего уж теперь, тебе нужнее.

— Воровать я с тобой не пойду, — решительно заявил «Ромео». Был у них опыт в детдоме — попались. Вовчику этого хватило.

— О чем ты молотишь, какое воровство? — возмутился Пашка. — Я деловой человек, и знакомые у меня будь здоров! Кстати, в военкомате блат имеется, могу замолвить словечко.

Откуда у восемнадцатилетнего бывшего детдомовца такие знакомства? Тогда Вовчик об этом не задумался. И дело Пашке «вспомнилось» как нельзя кстати. Хотел поверить другу и поверил, очень уж деньги требовались.

Задача элементарная: перегнать машину с грузом из пункта А в пункт Б. Очередь из желающих совершить сей подвиг огромная, но Пашка замолвит слово, доверят дело исключительно Вовчику. Путевка, накладные, талоны на соляру — все чин чинарем. Расчет по прибытии, обратно на

поезде. Езды туда полдня, обратно столько же — всего сутки работы. Вовчик, отогнав сомнения, согласился.

Задержали его на втором по счету посту ГАИ. Летеха оказался въедливым, заметил нечеткость печати в накладной. И пошло-поехало! Вовчика закрыли, он «включил дурака». Мол, подошел незнакомый мужик на рынке, разговорились, он и предложил заработать. Да, как дурак согласился. Сам мужик должен был встретить в конце трассы. Нет, не задумался, что похищенное везет, откуда? Я сам детдомовский, деньги позарез нужны. Если бы не отец Джульетты с его связями, то пошел бы честный детдомовец по этапу. Не вынесло отцовское сердце плач дочери, но с условием — сразу в армию.

Доказуху лично на него не нарыли, а «чистосердечку» упертый задержанный не подписывал. Небольшая суета в милицейских верхах — уважаемый человек попросил, и Вовчик под подпиской. Следующий этап — военкомат с горячим заявлением о немедленном призыве на службу Родине, и застучали колеса поезда, увозя команду на юг. Тогда Вовчик еще не знал куда, да ему было без разницы: сердце грела любимая Джуля, и она дождетя! Всего-то два года.

Третий поворот — злополучная колонна, где Вовчик стал зверем.

Общество «афганцев», «сухой закон» с расцветом «пальной» водки, открытие первых кооперативов, рэкет, крышевание — крутым поворотом не считаются. Просто покатился по проторенной ветеранской организацией дорожке. Мстить Пашке, искать встреч с Джульеттой после армии не стал. Забыл о них. По крайней мере, очень хотел забыть.

«От знака четвертый поворот, — помнил Вовчик, — не пропустить бы. — И стал считать: Первый... второй... третий...» — и словно со стороны услышал визг тормозов, юз колес по мокрому асфальту и глухой удар. Будто кто-то другой нажал на тормоз, не сам. Не обращая внимания на ругань свалившегося Роба, Вовчик выскочил из машины.

За секунду до этого буквально в двух метрах от капота материализовалась, иначе не скажешь, девушка, вернее, молодая женщина в ослепительно-белом платье. Точнее, све-

тилась вся девушка вместе с одеждой. Непонятно отчего — свет фар такие переливы всех цветов радуги не дает. Женщина удивленно смотрела на приближающийся автомобиль и даже не попыталась отпрыгнуть в сторону. Вовчик на полнейшем автомате вдавил педаль тормоза. Она сложилась на капот и отлетела, исчезнув из света.

«Хорошо, что я медленно ехал, — пронеслось в голове, — но какая же она дура! Наверняка сумасшедшая». Про внезапное появление, про странное свечение задуматься не успел, сейчас главное — оказать помощь.

Женщина лежала на спине с открытыми глазами, в которых застыло безмерное удивление. Зрачки расширились так сильно, что радужка практически отсутствовала. Переливчатое свечение окружало ее неосязаемым, но задерживающим дождь коконом. На лице, на длинных темных волосах, собранных изящной заколкой, на идеально белом платье, напоминающем римскую тунику, не замечалось ни пятнышка грязи. И еще она поражала идеальной, какой-то кукольно-правильной бездушной красотой при полном отсутствии косметики.

— Эй! Девушка, ты меня слышишь? Ты жива? — Вовчик опустил перед ней на колено, боясь прикоснуться. Откуда страх, откуда свет, откуда взялась на пустой дороге, наконец, где грязь, которая должна была заляпать хотя бы платье, — эти мысли старательно гнал от себя, оставлял на потом.

Женщина не обращала на него внимания.

«Без сознания? Может, вовсе мертва? Как убедиться?»

С трудом преодолев иррациональный страх, буквально продавливая ставший невероятно плотным воздух, Вовчик прикоснулся к идеально чистой шее. Сердце девушки бешено колотилось. Приложив еще немало усилий (вдобавок и руки отказывались слушаться), ветеран боевых действий вяло хлопнул ее по щеке. А хотел дать увесистую пощечину. Обдумать эти чудеса не успел.

Взгляд женщины приобрел осмысленность и сконцентрировался на нем. Вдруг она резко села, скривив лицо в брезгливо-презрительной гримасе, бросила к нему правую руку с блеснувшим на пальце перстнем и со словами «Канданаверо, брегон!» — по крайней мере, так послышалось Вовчику — прикоснулась ладонью к его голове.

Он и хотел было дернуться, но не смог. Мир перестал существовать. Как лампочку в подвале разбили или глаза лопнули — кому как удобней.

— ...мой лысый череп! — закончил длинное ругательство обалдевший Роб.

Он только что открыл дверку, опустил одну ногу на землю и так и застыл в полускрюченной позе с открытым ртом.

Сверкающая женщина в поразительно белоснежном легком платье коснулась головы Вовчика, и тот тоже засверкал почище новогодней елки. Спустя несколько мгновений оба полыхнули еще ярче и исчезли. Совсем. Испарились, улетели, растаяли, да вообще хрен знает куда подевались, но факт остается фактом: фары освещали пустое место, выхватывая долгожданный поворот направо.

Дорога пересекалась с трассой под острым углом, врезаась с почти параллельного направления. Крутой поворот.

ГЛАВА 2

Флорина, верховная жрица Месхитопольского храма богини Лоос, вывалилась из дверей подалтарной комнаты и прохрипела:

— Заберите варвара. — Приказала и, потеряв сознание, упала на руки испуганных служек.

Девушки резво понесли начальницу в ее спальню, по пути велев первым встреченным рабам забрать варвара из подалтарной и поместить в темницу. Служки, самые молодые орденские ученицы, не удивились, откуда в закрытом помещении взялся варвар. Наверное, зацепила на каких-нибудь островах.

Подалтарная комната всегда использовалась как алхимическая лаборатория. Какие только опыты там не ставились! А про идею фикс Флорины найти родной мир альганов и каганов знали все жрицы ордена. В то, что ей в принципе удастся покинуть благословенную Гею, не верил никто. По крайней мере, в Месхитопольском храме. Добраться до неизвестных земель — пожалуйста. Да и это чудо — не та специализация. Занималась бы, как все нормальные лооски, целительством с плодородием, было бы больше пользы, а то растрчивает силы на глупости. Пусть не совсем глупости,

но сильно уж не по профилю. Этим Ищущие занимаются давно и упорно. Говорят, есть большие подвижки. Ой, что-то очень много сил потеряла нынче Верховная, похоже, действительно куда-то сходила. Придет в себя — расскажет. Хоть бы рассказала, вразуми ее Пресветлая! Любопытно — ужас!

Примерно так рассуждали девушки, пристраивая жрицу на пышной кровати. Ей нужен только отдых.

Для остальных обитателей храма, а заодно и центральной резиденции ордена Родящих вечер прошел спокойно. К излишним выбросам Силы из алхимической лаборатории обитательницы давно привыкли.

Старшая жрица Томила привычно поморщилась: «Чтобы ты сгинула однажды от своих опытов, Флорина! Прости, Пресветлая, за эти мысли», а в глубине души затеплилась надежда: может, сегодня это случилось? Она мечтала поменять серую тунику на белоснежную и для этого во всем поддерживала глупые начинания Верховной, одновременно забрасывая ареопаг верховных жриц Лоос анонимными письмами об истинных и не очень прегрешениях Флорины. К сожалению, таковых было мало.

Когда-то, до Великого Сумрака, орден Родящих был очень слабым, являлся простым придатком культа богини плодородия и деторождения Лоос. Все изменилось с уходом Сумрака.

Проникновение иного мира, мира каганов с альганами, вызвало возмущение энергетических потоков, нарушились незыблемые соотношения магических сил, настал долгий холодный Сумрак. Одни боги усилились, другие ослабли. Возможно, сами боги этого не заметили, но законы взывания к их Силам на благословенной Гее сильно изменились. Когда сошел Сумрак, когда снова стало тепло, выяснилось, что кое-где чужой мир дал всходы. Появились леса альганов и степи каганов — места обитания двух непримиримых рас иного мира, который назывался совсем не оригинально: Земля, то есть Гея. Эти пятна Сумрака раздвинули коренной мир, сделав неверными многие «досумрачные» карты, и

хвала всем богам, что их появилось немного, всего шесть на всей ойкумене¹.

Нет худа без добра. Плотность магических потоков после Великого Сумрака значительно возросла, ордена приспособились к новым законам, жрецы заново научились взывать к Силам своих богов. Не сумевших приспособиться поглотили более сильные. Прогремела скоротечная Война орденов с полным переделом «сфер влияния». Например, орден Пылающих усилился за счет поглощенных им орденов Искрящихся и Бурлящих, их бог Пирений с успехом заменил сгинувших Герметия и Борея. Кроме поддержки Божественных Сил пятна оказались кладезем ценнейших алхимических ингредиентов, редких металлов, магических кристаллов и многого другого.

Орден Родящих, издревле занимавшийся жизненной и целительской магией, расцвел. Единственный орден, где все жрецы — маги, а жрецы — исключительно женщины, то бишь жрицы. Кроме того, хитрые бабы сумели выкрасть у растерянных после Сумерек альганов семена Древа Жизни, посвятили их своей богине, и та приняла дар! Изменила чужую Силу, сделав доступной для своих жриц. Теперь в каждом храме богини Лоос в открытом алтарном зале росло ни на что не похожее дерево с корой дуба и зонтичной кроной эвкалипта. Правда, плодоносило только одно, в Месхитопольском храме, раз в пятьдесят лет.

Больше подобный «подвиг» не удался никому из орденов. Не хотели растения из пятен жить на коренной земле Геи, и все тут. Да и альганы давно опомнились, просто так из их леса ничего не вынесешь. Зато каганские степные животные, которые без примеси магии, спокойно вышли из пятен и легко «одомашнились».

Все бы ничего, благословенная Гея оправилась, жизнь закипела с новой силой, но только жадным царям да орденским магам пятна Сумрака мозолили глаза. Не могли они спокойно смотреть на почти недоступные богатства: ни альганы, ни каганы не пускали к себе людей и сами не желали с ними общаться. За пять сотен лет многочисленные войны между людьми и пришельцами так и оставили напряженное статус-

¹ Ойкумена — вся известная «просвещенным» царствам земля мира Геи.

кво: есть пятна, есть остальная Гея. Да и сами пришельцы подливали масла в огонь людской ненависти частыми войнами друг с другом. Им без разницы, на чьей земле воевать, а предугадать, когда и где состоится очередная стычка, оказалось практически невозможно. Люди вынужденно держали на границах пятен многочисленных наблюдателей с единственной целью — успеть эвакуировать население с места будущего сражения. Как ни странно, эти постоянные войны несколько не ослабляли надменных пришельцев.

Их культура, вера и большая часть магии до сих пор оставались загадкой. Из длительных наблюдений за войнами стало понятно, что расы быются «просто так», без видимой цели ожесточенно убивая друг друга, словно специально стремились к наибольшему количеству жертв. То ли это изощренное жертвоприношение, то ли так жестоко тренировали молодняк. Что-то типа посвящения в воины. Особого колебания Божественных Сил, характерных для принятия богами жертвенных душ, не замечали. Зачем и почему воевали — вопросы без ответа. Немногочисленные пленные альганы и каганы не открывали рта, их мысли прикрывались надежными щитами, а вскоре они умирали. Всегда, кроме редких случаев успешного порабощения каганов жрицами Лоос, и то это происходило фактически после смерти: рабы забывали все, кроме воинских навыков, и теряли способности к магии. А на альганов сила исковерканного Древа Жизни не действовала даже после смерти, поэтому их поработить не удавалось. Надо сказать, что и альганы, и каганы оказались непревзойденными воинами. Раб-каган уделявал практически любого человека — не мага, и оружие у них — загляденье.

Флорина встала в прекрасном расположении духа. Еще бы, она впервые побывала в другом мире! Пусть не в том, куда стремилась, пусть он был странным, совершенно без магии, но он был иным! Она выходила за пределы Геи!

Любовно оглядела себя в дорогущее стеклянное зеркало и осталась довольна. Древо Лоос продолжало хранить ее. В семьдесят лет выглядеть на двадцать — дорогого стоит. Идеально сложенная фигура, упругая грудь с небольшими

чувственными сосками, нежная бронзовая кожа, густые темные шелковистые волосы и большие, искрящиеся от отличного настроения зеленые глаза на идеально красивом лице. Игриво провела руками по мгновенно затвердевшим вишневым соскам и, едва сдерживая восторженный визг, сбегала по мраморным ступеням в бассейн. Чисто девчонка, а не верховная жрица Месхитопольского храма, самая влиятельная женщина Месхитинского царства, а поговаривают, и всей Геи.

Утреннее купание — одно из немногих удовольствий, которое могла позволить себе Флорина. К сожалению, верховное служение накладывает кучу запретов. Самый болезненный из них — запрет на мужчин. Как она отрывалась, когда была просто Старшей! Нет, лучше не вспоминать.

Вдоволь наплававшись, наигравшись в бурлящих пузырьках (в дне бассейна находился специальный воздуховод), Флорина позвонила в серебряный колокольчик. Молоденькая служка не заставила себя ждать. Красивая, как все лооски (значит, Древо Лоос приняла будущую жрицу), лет четырнадцати-пятнадцати, еще чуточку нескладная, в черной тунике — первый год обучения. Белый пояс просто для красоты. В руках аккуратно свернутые белоснежные туники. Нижняя и верхняя.

«Бедная девочка, — почему-то подумалось Флорине, — ты еще не поняла, на что обрекла себя. Хотя при чем здесь ты? Наверняка твои родители, бедные археи, избавились таким образом от бесприданницы. Богиня тебя приняла. К сожалению». Нахмурившись собственным неприятным мыслям, Верховная ждала, когда заговорит служка.

Еще одно ограничение для Верховной — утром не заговаривать первой. Служка, похоже, об этом забыла. Такое настроение испортила, мерзавка!

«Да у тебя что, одни кавалеры на уме? — Мысли резко поменяли тональность. Жрица завелась, от мимолетной жалости не осталось и следа. — Ах ты сучка похотливая! Говори же! Правильно, что не познаешь ты радость материнства! Справедлива к таким, как ты, Пресветлая!» — Флорина в злости не заметила, как выплеснула в мыслях свои сокровенные переживания.

Орден Родящих часто дразнили орденом Неродящих.

Богиня забирала у своих жриц детородную силу, чтобы передать другим: людям, скоту, посевам. Или не передать — от настроения богини да усердия молящихся зависит. А еще жриц Лоос по праву обзывали шлюхами. Богиня приветствовала совокупления своих служительниц — вроде как плодородие надо осеменять. Вообще, про лоосок ходило много слухов, сплетен, анекдотов. Одно выражение «лоосская любовь» чего стоит! Любовь женщины к женщине, срам какой! А ведь под этим есть почва. Некоторые Верховные не выдерживали, спали с молоденькими жрицами. Да и другие, рангом поменьше и без запретов — тоже бывало. Слишком уж все красивы, невольно тянет к такой чувственной красоте.

Флорина не страдала «лоосской любовью», у нее была другая всепоглощающая страсть — наука. Иногда, очнувшись от составления схем, она со стыдом замечала свою левую руку зажатой между ног. А найти удачное решение проблемы для нее такое же удовольствие, как получить любовную разрядку. Даже больше! Потому и пропадала в подалтарной комнате. Там у нее находились и кабинет, и лаборатория.

— Д-доброе утро, с-сестра. — Служка, опомнившись, заикалась от страха.

— Чего застыла, мерзавка! — дала волю чувствам Флорина. — Одни мужики на уме? Клади одежду на кресло, и вон к своей настоятельнице! Пусть найдет тебе самое грязное место на кухне, заменишь двух рабов! Вон!

Девочка пулей вылетела из апартаментов Великой.

Флорина, машинально накинув заклинание «отторжения влаги», вышла из воды совершенно сухой. Успокоилась быстро, не успев надеть нижнюю тунику.

«Зря я так на девочку. Какие первые три года мужики? Не до них. Так загоняют, что только до подушки добратся», — вспомнила, улыбнувшись, далекую молодость. Как давно это было! Лучше не вспоминать.

«Какая же я молодец! — Великолепное настроение вернулось как ни в чем не бывало. — Иной мир, иной! Надо будет не забыть отметить Томилу. Ее совет сверить новые астрологические карты с «досумрачными» очень помог, очень! Молодец она. Возможно, выйдет из нее толк. Так, по старым картам время было самое подходящее, но мир оказался не тот. Надо подождать...» — С этими отрешенными мыслями

вышла из собственных апартаментов и направилась в алтарный зал к Древу Лоос на утренний ритуал Восхваления Богини. Там ее, не смея поторопить, давно ждали старшие и срединные жрицы. Потом будет завтрак. К сожалению, исключительно вегетарианский — очередной запрет для Верховной.

После завтрака в одиноких раздумьях над изменением схемы структуры (две прислужницы из числа служек-второгодок не считаются) к Флорине подошла Томила.

— Разреши спросить, сестра, — обратилась к ней с легким поклоном.

— Томила, дорогая, спасибо тебе за совет, он мне очень помог! — Верховная вспомнила о данном себе обещании.

— Я рада, что угодила Верховной, но разреши поинтересоваться, как прошел опыт?

— Ты не угодила, сестра, ты помогла. Я решила подарить тебе любую безделушку из моей коллекции украшений, выбери сама. — Ну неохота Флорине придумывать благодарность, сама выберет. Любая вещь из личной сокровищницы Верховной — большая ценность. — Благодаря тебе опыт прошел на удивление удачно! Я побывала на неизвестном острове. Там была ночь. — Уже начав говорить, Флорина неожиданно переменяла решение рассказать правду. Сама не поняла почему. Наверное, чтобы не сглазить. Удача — богиня крайне капризная. — Конечно, это не мир альганов, но так далеко я еще не была. Жалко, что все же на Гее.

— Спасибо за щедрый дар, поступок, достойный лишь истинной дочери Пресветлой! Не обижайся, сестра, но ты гениальна! С нашей Силой и такого быть не должно! — восторженно произнесла Томила. — С твоим упорством ты скоро достигнешь цели! Эх, мне бы хоть толику твоего таланта! — высказалась с четко отмеренной восторженной завистью.

Всегда приятная лесть сегодня резанула Флорину. Переборщила жрица.

— Ах, сестра, тебе упорства не занимать, не принижай свои достоинства. Пресветлая не любит излишне скромных. Вот и я, чтобы доказать, что была на неизвестном острове, прихватила оттуда местного варвара.

— Твои слова не нуждаются в доказательствах, сестра! — привычно польстила Томила.

Верховная не обратила внимания на Старшую.

— Я его сегодня же допрошу, лично. Любопытно, как у них там...

«Надо же — «лично»! Ну да, любопытно тебе... чтоб тебя твое любопытство прихлопнуло! Прости, Пресветлая, за эти мысли!»

Флорина не любила заниматься политикой вообще и делами ордена в частности. Она давно перекинула эти обязанности на Томилу, оставив себе лишь то, что нельзя передать. Официальные и не очень приемы, посещения ареопага Верховных. Как ни странно, он проходил не в Месхитопольском храме, где росло единственное плодоносящее Древо, а в Сиракском. Хотя почему странно? Историю никуда не денешь, оттуда начался орден, и там же по традиции оставался Главный храм Лоос, величие которого было лишь внешнее. Исток Силы давно переместился в Месхитополь.

Шел первый год от сошествия Сумрака. Гея только-только обнаружила пятна, только-только начала согреваться, приспособливаясь к новым условиям.

Двое высоких красавцев ростом почти в пять локтей¹ соскочили с больших белоснежных коней со странными прямыми рогами на лбах и решительно вошли в распахнутые ворота Месхитопольского храма богини Лоос. У обоих за спинами по два перекрещенных коротких меча, рукояти которых торчали над плечами. Украшений на оружии, как и на людях, не было.

Боги! Да люди ли это?

Серебристые волосы, перетянутые сплетенным из травы ободком, ниспадали на плечи. Бледные, удивительно красивые лица без растительности. Их можно было бы принять за женщин, если бы не стальной взгляд больших холодных изумрудных глаз да мужские, пусть излишне стройные фигуры.

Они шли мягкой поступью опытных воинов, один позади, чуть в стороне от другого. В них чувствовалась Сила, перемешанная с нечеловеческой грацией.

¹ Локоть — примерно соответствует древнегреческому локтю, 44,4 см.

Пришельцы направились сразу в храм, проигнорировав сопутствующие постройки. Немногочисленные жрицы в ужасе разбегались, воины не обращали на них внимания. По мере восшествия по лестнице к колоннам храма в окружающем пространстве росло напряжение. При входе в алтарный зал оно чувствовалось физически, как плотный, готовый взорваться молнией воздух перед летней грозой.

Алексия, старшая жрица Месхитопольского храма, стояла перед святой святых — резной каменной чашей жертвенника в центре алтарного зала. Крыша зала в Сумеречную зиму провалилась от снега, но завалы уже расчистили, чашу помыли, и теперь естественной крышей храма являлось само небо, сегодня, на удивление, голубое. В каменной цветке лежало то, за чем пришли незнакомцы, — переливающийся всеми цветами радуги плод, похожий на спелый финик.

Алексия поняла это сразу, как только испуганные служки доложили о странных воинах. Было ли ей страшно? Еще бы! Но долг превыше всего.

Тот странный финик, который принесла Грания, молоденькая служка-первогодка, — спасение для всего культа. Едва взяв его в руки, Старшая мгновенно поняла, что с ним делать, сама богиня вдохнула в нее это знание. По крайней мере, Алексия очень надеялась, что она.

Культ богини плодородия зачах за долгий Сумрачный год. Люди отвернулись от слабой богини. Но что может вырасти холодной зимой, когда вода (где это видано!) замерзает? При чем здесь Лоос? Спросите у других богов! Люди не послушали, забыли дорогу к храму. И словно в отместку, нынешним летом без всяких молитв и жертвований — великолепный урожай. Плод из пятна Сумерек — последняя надежда на возрождение культа, но за ним пришли воины. Жрице с ними не справиться.

Первый воин подошел к женщине на расстояние вытянутой руки, второй застыл в шаге от первого.

«Пресветлая, какие они красавцы! — невольно пронеслось в голове женщины. Заметила, несмотря на страх, стекающий между лопатками противным холодным потом. Сердце испуганным зайцем готовилось выскочить из груди. Только искренняя вера в защиту богини не давала старой жрице уйти в спасительное беспмятство. — Через мой труп,

через мой труп...» — повторяла она как заклинание, опираясь для верности рукой на край чаши. Жрица в волнении не заметила, как в ответ на приближение незнакомцев от плода пошло приятное тепло.

Воин неуловимо плавным движением положил узкую изящную ладонь на голову Алексии.

«Мы пришли за плодом священного Древа Жизни, не мешай нам». — В ее голове раздался мелодичный голос. Не угрожающий, а скорее увещающий. Так говорят с маленькими детьми.

Похоже, богиня услышала молитвы своей верной жрицы: та удивилась, но не ударилась в панику. Наоборот, успокоилась. А может, успокоилась потому, что ее не стали сразу убивать, чего она больше всего боялась. Кто знает?

— Кто вы? — хрипло, с трудом разлепив губы, произнесла Алексия.

«Мы — альганы. Волею богов мы с нашими врагами каганами оказались в вашем мире. Рано или поздно мы вернемся к себе на Землю. Отдай нам плод, и мы уйдем»

— Нет, — решительно заявила женщина и в страхе зажмурила глаза. «Прими меня, Пресветлая, в своих чертогах!» — мысленно взмолилась, готовясь теперь уже к неминуемой смерти.

Жрица не увидела, как альган, сняв руку с ее головы, просто обошел Алексию и склонился над чашей. Постоял, застыв, несколько мгновений, развернулся и вместе со вторым покинул помещение. На их лицах не дрогнул ни один мускул. Только в глазах промелькнула едва уловимая секундная грусть.

Смерть все не шла и не шла. Алексия приоткрыла глаз и с удивлением обнаружила, что осталась одна. Бросила быстрый взгляд в чашу, и... ноги подкосились, тяжесть из груди ушла, и с облегчением, с долгожданной радостью: «Теперь можно!» — упала в обморок. Перед самой потерей сознания все же успела удивиться: «Почему он не забрал плод?»

Так люди узнали названия рас пришельцев и имя их родного мира. А может, это ошибки мыслеречи и в действительности названия другие — никто этого не узнал. Больше за последующие пятьсот лет контактов с ними не было. Люди в многочисленных войнах за обладание пятнами Сумра-

ка убедились лишь в исключительной магической силе пришельцев. У альганов — странная «живая» магия, каганов во всем слушались стихии и Духи. Про качество оружия и мастерство воинов лучше промолчать. Стыдно за благословенную Гею.

Возможно, если бы жрица отдала плод, все пошло по-другому. Альганы стали бы общаться с людьми, поделились знаниями, богатствами. Возможно все. Однако история не терпит сослагательного наклонения.

Допрос варвара, если произошедшее можно назвать допросом, состоялся в открытом зале малых приемов, по существу — в большой колонной беседке на берегу крутого склона Эры — быстрой реки, омывающей храмовый комплекс, сразу после сиесты в третью четверть дня.

Наблюдательная Томила заметила, как поморщилась Верховная, едва только младшая жрица ввела варвара в зал.

«Неспроста ты его зацепила, чем-то он тебе насолил. Непременно с ним побеседую! Если останется жив», — подумала она. Лицо оставалось абсолютно непроницаемым.

Что такого мог совершить варвар — не маг, чтобы разозлить мага уровня Верховной? На словесные оскорбления она плевала: варвар есть варвар. Достал оружием? Это и надо выяснить в первую очередь, вдруг пригодится?

Мужчина в кожаных и шерстяных одеждах, плотных штанах и теплой обуви шел, ведомый младшей жрицей, недоуменно озираясь вокруг, периодически поглядывая на собственные ноги.

«Явно впервые под заклинанием принуждения. Хорошо, что жрица рот ему заткнула, а то орал бы сейчас молитвы своим богам. Варвары все такие. Как озирается! Молодец, голову не совсем потерял — взгляды на жриц плотоядные. Правильно, откуда на их островах такие красавицы! Странно, я думала, все северные варвары — блондины, а этот больше шатен. Не такой, как месхитинцы, но вполне. Волосы зачем-то состриг — дурной обычай, но бреется — это неожиданно для варвара. О, Пресветлая, а лицо-то какое хищное! Сам чуть больше четырех локтей, худой, а смотри-ка. Хм, а Младшая скоро упадет. Это сколько Сил она в него

ллет? Все интересней и интересней... — Томиле очень захотелось, чтобы варвар остался живым. Для беседы. А может, и... об этом и думать нельзя! — Прости, Пресветлая!»

Втягивать чужаков во внутренние орденские разборки непозволительно. Богиня может не понять. Другое дело интриговать самим — здоровая конкуренция только на благо культа. Без излишеств, разумеется.

Варвара поставили на колени перед сидящей в легком плетеном кресле Верховной. Та глянула на Младшую, и варвар заговорил:

— Вар-вар-вар, вар-вар! — выкрикнул явно возмущенное ругательство.

— Ты говоришь с верховной жрицей Лоос! Говори по-гелински! — торжественно произнесла Флорина традиционную для подобных случаев фразу. Гелинский язык — язык всей просвещенной ойкумены.

— Вар-вар-вар! — еще возмущенней выкрикнул варвар и заткнулся.

Верховная мазнула взглядом по Младшей.

Она не сдержалась, поморщилась, когда увидела идущего к ней варвара. Сразу вспомнилось, как он посмел ее коснуться. «Понятно, что в том странном мире защита ослабла, но это его не оправдывает. Никто не смеет касаться Верховной без ее разрешения. — Иногда Флорина думала о себе в третьем лице. Издержки положения, ничего не поделаешь. — Придется его убить. — Решение принято. Но сначала надо покопаться в мыслях, унять любопытство, да и... не совсем верно сработало заклинание — она хотела убить еще там, но что-то не рассчитала. — Скорей всего, не учла поправку на отсутствие Божественных Сил, вот он и втянулся за мной...» — Пока вели варвара, Филона привычно заняла себя наукой.

После бессмысленных протокольных фраз (дань традиции!) Верховная брезгливо положила ладонь на голову варвара.

Мысли мужчины неожиданно оказались очень плотными. «Пресветлая, сколько в нем знаний! Ого, это так они живут без магии? Он сбил меня самодвижущейся повозкой? — Верховная становилась все мрачнее и мрачнее, с трудом продираясь по лабиринтам совершенно непонятных образов. Но теперь она внимательно следила за собой — внеш-

не оставалась абсолютно невозмутимой. — Да, Владеющий миром, — так она поняла его имя, — ты должен умереть. Не нужны твои знания благословенной Гее, даже вредны. Что? — Флорина все-таки дернула уголок рта, не сдержалась. — Я — кукла?!»

Это было выше ее сил. Нелюбовь к политике не значила, что ей не нравилась власть. Еще как нравилась! И больше всего в ней нравился не сам факт принятия решений о судьбах людей, а зависть других жриц и когда открытое, когда тщательно скрываемое вожделие мужчин вперемешку со страхом. Причем к последнему, к животному желанию самцов она привыкла больше всего, с самого посвящения в служки. И в нынешнем, в наивысшем для жрицы положении оставалась женщиной до мозга костей. Точнее, до корней волос. До мозга костей — это для мужчин.

И вот какой-то неотесанный варвар думает о ней, как о «размалеванной кукле»? Ни капли обожания! «Да на мне ни грана¹ косметики!» — возмутилась и сразу оборвала себя. Не хватало еще оправдываться.

Решение пришло мгновенно.

«Он пожалеет об этом! Смерть — слишком легко. Он станет всегда желать меня, искать моей милости, мечтать о моем взгляде, но не дождетя. Кстати, никому ничего не расскажет, я запрещу. Почему раньше об этом не подумала? Потому что рабы — слишком обыденно», — сама ответила на собственный вопрос.

— Сестры, мне нужна ваша Сила, — сказала Флорина, величаво поднимаясь из кресла. Варвар продолжал стоять на коленях, удерживаемый шатающейся от усталости младшей жрицей.

«Скоро упадет девочка, — отметила про себя Томила, становясь вокруг Верховной. — Зачем ей столько Силы?»

Три старших и четыре срединных жрицы взяли за руки, образовав «круг Силы» с Флориной и варваром в центре. Верховная запела молитву-заклинание, Сила Древа Лоос побежала через окружность «сестер» и сконцентрировалась на верховной жрице. Флорина окуталась зеленым светом

¹Гран — геянская наименьшая мера массы, приблизительно 0,05 г. В обиходе — «самый минимум», «ничтожно мало» и тому подобное.

Силы, которая, преобразовавшись в известную только ей структуру, вошла в варвара. Его тело просветилось насквозь, и в этот момент Верховная приложила свой перстень к его лбу. Свет впитался в землю, напряжение Силы, заставлявшее мгновение назад звенеть воздух, схлынуло. Младшая жрица, отвечавшая за заклинание принуждения, с видимым облегчением упала без чувств. Она выполнила свою задачу, отдала все силы, удерживая глупого варвара в нужном положении. Верховная еще несколько томительных мгновений подержала перстень у лба мужчины и резко отняла руку. Варвар упал без сознания.

— Викария, — обратилась она к срединной жрице, — прикажи отнести раба в казарму к разведчикам. Прикажи, чтобы его языку учили. Отдельно прикажи, а то знаю я наших разведчиков. Все, сестры, занимайтесь своими делами. Допрос окончен. — Зачем специально добавила насчет обучения языку, Флорина и сама не поняла. Не собиралась она с ним разговаривать, да и недолго ему жить.

«Нет, поговорю, если не забуду. Надо же — «кукла»! Пусть ответит живой речью — почему. Да, именно так», — быстро разобралась в себе Верховная и мысленно улыбнулась, представив, как варвар валяется в ногах и, стораю от стыда, объясняет эту загадку. Капризная красавица и любознательная ученая пришли к компромиссу, а спустя несколько минут... Флорина забыла о своем новом рабе.

Сказать, что верхушка Месхитинского ордена Родящих удивилась, — ничего не сказать. Жрицы были просто ошарашены! На одной голый Силе сделать из презренного варвара личного раба Верховной — в голове не укладывается! Зачем? Подождать пару дней, попить эликсирами и сделать то же самое малыми силами. Объяснение одно: Верховная не могла ждать. Что ж, пусть это остается на ее совести, ей отвечать перед Пресветлой за бездарную трату Ее Силы. Но любопытно, чем варвар сумел так достать Верховную? Наверняка это личное. Теперь, к сожалению, не узнаешь. Хитра Флорина. Живой варвар в ее власти, никому ничего не расскажет, в мысли не влезешь, и наверняка скоро погибнет. А ведь у нее одна страсть — магия. Кто бы мог подумать! А языку специально учить? Зачем? Это точно — личное.

Никто не посмел поинтересоваться напрямую у Верхов-

ной, что такого прочитала она в мыслях варвара. Посчитает нужным — расскажет, но все понимали — ни в жизнь.

Томила активно обсуждала с «сестрами» произошедшее событие и мысленно кусала губы: «Личное дело, Пресветлая! Личное! Между грязным варваром и верховной жрицей! Теперь не узнаешь. Ох и мерзавка ты, Флорина! Прости, Пресветлая. Подкопаюсь я под тебя непременно, вызнаю. А «сестричек» ты зря обидела, жалобы в ареопаг обеспечены, а там... лучше не загадывать!»

Даже если с Флориной что-нибудь случится, Томила не единственная претендентка на самое влиятельное Верховенство. Место под Древом еще надо заслужить-заработать-купить, а выберет ли само Древо — на то совершенно неподкупная воля богини. Старшая жрица искренне считала, что ее шансы — самые высокие. За то и боролась всеми доступными средствами.

ГЛАВА 3

Вовчик приходил в себя постепенно. От жесткой лежанки под головой пришел холод. К нему прибавился запах камня с добавками гнилости, потом вызрел запах нечистот, а затем заболела голова. Не просто заболела — раскололась на тысячи болящих частей, а еще и темно, хоть глаз выколи...

«У-у-у», — мысленно простонал Вовчик и открыл глаза.

Лучше бы он этого не делал. Перед взором расплывалось, двоилось, троилось, а голова затрещала еще сильнее, хотя казалось — куда уж больше.

— А-а-а, — простонал в голос.

Снова закрыл глаза, обхватил голову, на ощупь прислонился спиной к стене и застыл, пытаясь унять распалившуюся черепушку. Какие мысли? Тараканов бы успокоить, скребуться в мозгах, как неизвестно что. Больно, мерзко, противно. Понятно, что в заднице, но неизвестно в чьей. Простите, в какой.

Когда взгляд прояснился, побывавший на нарах Вовчик понял, что никакая это не ментовка. Разве бывают обезьянники или камеры ИВС из плохо отесанного камня, с гнилой соломой и глиняной вазой-парашей? Свет шел через деревянную решетку от висящего на стене... масляного светильника. Фитиль горел над маслом, потрескивая и нещадно

коптя. Стекланный колпак, похоже, не был предусмотрен в принципе. Понятно, что в стране, мягко говоря, не ахти, но не до такой же степени!

«Попал... да кто ты такая, кукла размалеванная?»

Он сознательно кривил душой, прекрасно помня, что косметики на ней не было — специально обращал внимание, еще удивился тогда. Так легче, обзываясь. А то факты совсем неутешительны. Баба в старинной белоснежной одежде, к которой не пристаёт грязь, появляется внезапно и вся светится. Одежда похожа на кино про Древний Рим, но не кино — это точно. Касается (со злостью!) глупой башки бывшего детдомовца, и вот, пожалуйста, — каменная камера, масляный светильник, солома. Приплыли. В том, что это реальность, данная нам, так сказать, в ощущениях, — не усомнился ни на секунду.

«Все, факты кончились, хватит ломать голову. Живой — славненько. Сiju в тюрьме — плохо. Но раз оказался здесь, значит, можно и обратно. Ничего, объяснят, что к чему и почему. Пободаемся! Интересно, когда здесь кормят? — Живот возмущенно заурчал, требуя жрать, жрать и жрать. — Сутки не евши! Лидка — сучка», — с этой мыслью подошел к деревянной решетке, попробовал на прочность — не сломать.

— Эй! Есть тут кто! Когда баланда, начальник! — заорал во весь голос.

Ни ответа ни привета. Что есть силы заколотил по решетке и заорал еще громче:

— Народ! Люди, ау! Жрать давай!

Через минуту такого гомона к решетке наконец соизволил подойти вертухай. Вовчик на секунду обомлел. Под метр девяносто, широкоплечий, длинноволосый детина, одетый в мешок с дырками для головы и рук. Мешок едва доходил до колен. На голых ногах сандалии, привязанные к щиколоткам хитрыми ремешками. Небольшое брюшко перетягивал широкий кожаный ремень с непонятными опять же кожаными висюльками. Злое лицо не предвещало ничего хорошего, а тяжелая дубина в здоровенной ручище делала злое выражение лица еще убедительней.

— Понял, начальник. — Вовчик примирительно поднял руки и отшагнул от решетки. — Обед по расписанию.

В ответ детина рявкнул что-то недовольное, выразитель-

но хлопнув дубиной по ладони. Убедившись, что задержанный все правильно понял, надзиратель ловко сунул дубину в висюльку на поясе, выражение лица смягчилось. Назначение одной из кожаных петель для глупого задержанного прояснилось.

— А попить? — Вовчик показал, как глотает воду из воображаемого стакана.

Начальник скрылся и появился через несколько секунд с глиняным кувшином. Без рисунков и другого выпендрежа. Протянул его прямо через прутья решетки. Беря кувшин, заключенный внимательно осмотрел лицо надзирателя — оно как раз попало под свет лампы.

Темно-смуглая, почти черная кожа. Бритые пухлые щеки, правильный овал лица с массивным подбородком и достаточно тонким для такого овала носом. Черные глаза, тонкие губы и густые брови на выступающей надбровной дуге. Но самое любопытное находилось в центре лба: четкая, идеально круглая татуировка или фиг знает как нанесенный рисунок размером с двухкопеечную монету. Круг, в центре которого четко прорисованное дерево с длинным стволом и зонтичной кроной. Казалось, что видно каждый листок и рисунок коры, хотя это невозможно из-за размеров и освещения.

«Я влип, — окончательно решил про себя Вовчик, принимая воду. — Светящаяся баба, теперь дикарь с невозможным портаком. Дела... но ничего, прорвемся! — подзадорил себя. А если честно, настроение было ниже плинтуса. Впрочем, попив воды, немного его приподнял. Много ли надо человеку для счастья? Пожрать надо. С этим придется подождать, но накормят, раз воды принесли. Страдалец тщательно перебрал солому, откидывая наиболее вонючие пучки, и лег на нее, стараясь не думать о еде и тем паче о собственном положении. Не заметил, как уснул. Свитер и кожанка грели вполне достаточно.

Вовчик страдал многими «пунктиками», или, если угодно, комплексами, но рефлексию, то бишь самоедство, переживание о своей несчастной доле отрезало еще в Афгане во время третьего «крутого поворота». Теперь это очень пригодились.

Разбудил его громкий стук по решетке вместе с воплями: — Гар-гар-гар! — Подъем — ясно без перевода.

Вставал медленно, куда торопиться ээку? Но от удивления невольно ускорился. Здоровенный надзиратель согнулся в поклоне перед молоденькой девушкой. Сказать, что она красива, — значит промолчать. Она была ослепительна. Со всем как та, на дороге, только моложе и платье-туника синего цвета, а не белое. Ослепительно красива, без косметики, но опять-таки какой-то кукольной красотой, чувствовалось что-то ненастоящее. Невозможно определить что, но чувствовалось, и все тут.

Здоровяк открыл решетку, но вошел в камеру не он, вошла девушка. Хрупкая и беззащитная.

«Ни хрена не беззащитная», — понял Вовчик, увидев выражение больших зеленых глаз. Высокомерно-презрительное с чувством абсолютного собственного превосходства и силы.

— Здравствуйте, мадемуазель, — произнес он с самым изящным поклоном, на который был способен.

— Гар-гар, гар. Гар-гар-гар? — надменно спросила она. Причем так, будто смотрела сверху вниз, хотя была ниже ростом.

— Ай донт андестенд, — покачал головой Вовчик, — но хочу заметить, что вы...

Закончить не успел. Язык отнялся в самом прямом смысле, вместе с остальным телом. Пока он тянул свой «андестенд», девушка что-то быстро пропела и плавно махнула перед собой рукой, как бы «оглаживая» на расстоянии его фигуру. Тело полностью онемело.

«Нихренасе! — мысленно завопил Вовчик. — Ведьма на ведьме, и меня здесь не любят! Надо срочно что-то решать!»

Девушка сделала пассы руками и согнула пальцы в приглашающем жесте. Ноги пленника пошли сами собой. Слава богу, с первых же шагов «освободилась» голова с шеей, но не язык. Говорить Вовчик не мог по-прежнему.

«Спокойно, Вовчик, осмотришься вокруг. Не все потеряно, должен быть шанс! Если бы хотели — убили бы сразу», — успокаивал себя, не давал зародиться панике. Она, при всей Вовкиной невозмутимости, все же начала потихоньку стучаться в дверь его решимости. Тьфу! Короче, гнал от себя страх скорой смерти вместе с сомнениями в реальности. Так дольше проживешь. Одновременно с любопытством разгля-

дывал кусочек мира, куда его занесла нелегкая. Не мечтал он никуда «попадать», но если попал...

Тюрьма оказалась совсем небольшой, всего из двух камер. Вторая пустая.

«Теперь и первая освободилась. В отеле «Последний приют» есть свободные номера, поспешите, господа!» В нем проснулся «юмор висельника».

Один пролет каменной лестницы, и он на свободе. В смысле на улице. Тюрьма оказалась небольшим одноэтажным каменным зданием без окон, с мраморной облицовкой. Камеры находились в подвале, что на первом этаже — неизвестно, но запахи оттуда донеслись самые аппетитные.

«Кухня... — мечтательно подумал Вовчик в ответ на мгновенно заурчавший живот и сглотнул слюну, — глотать могу, значит, попрошу перед казнью пожрать. И выпить. Казнимым положено». Бодрился как мог.

Незаметно он оказался впереди девушки и шел вроде как сам по себе, точно зная маршрут. Аллея. Дорожка, выложенная каменными плитами, между смыкающимися над головой плодовыми деревьями. Метров сто — сто пятьдесят, и Вовчик вошел в самую большую садовую беседку в мире.

Круглая, диаметром не меньше пятидесяти метров, окруженная высокой колоннадой в классическом стиле с резными колоннами пурпурного мрамора. Ближе к центру еще одна колоннада, высотой чуть выше внешней — метров двадцать пять. Балки каменные, но сама кровля — деревянная. Он хорошо разглядел все это устройство потому, что «беседка» напомнила ему древнегреческий Парфенон или акрополь с картинки, точно не припомнишь, а потом стало не до архитектуры.

Тщательно хранимая вера в реальность пошатнулась. Он на съемках исторического фильма с шикарной массовой. Красавицы, лучшие голливудские актрисы в исторических костюмах — туниках разных цветов и оттенков. Да какие актрисы! Те в подметки по красоте не годились! Вот где главная невероятность: не одна или две, а... стайка! Нет, стая — волчицы, пантеры, львицы... с небес на землю героя вернула женщина в белом. Та самая злополучная девушка-женщина, которую угораздило попасть к нему под колеса.

Ноги сами встали перед ней на колени.